

Статьи. Исследования

АНДРЕЙ И. ЖДАНОВ¹

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-4492-7903

АНДРЕЙ В. КОРОТАЕВ²

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3014-2037

Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа³

102

doi: 10.22394/2074-0492-2022-4-102-127

Резюме:

Данная статья посвящена исследованию влияния выборов на риски революционной дестабилизации. Авторы изучают разные подходы к оценкам вероятности возникновения революционных событий в год

1 Жданов Андрей Игоревич — Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», стажер-исследователь научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации. E-mail: aizhdanov@edu.hse.ru

2 Коротаев Андрей Витальевич — Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий научно-учебной лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории демографии и человеческого капитала. E-mail: akorotayev@gmail.com

3 Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

Acknowledgements: The study was carried out as part of the HSE Fundamental Research Program in 2022 with the support of the Russian Science Foundation (project no. 18-18-00254).

проведения выборов. Выделяются типы революционных выступлений в рамках степени применения политического насилия оппонентами власти, а также определяются основные причины активизации политически активной части населения как в автократиях, так и в переходных политических режимах. Среди подобных причин авторы рассматривают фракционализацию элит, активизацию «спящих» институтов, рост политической компетентности у индивидов, консолидацию продемократической оппозиции и ее институционализацию, электоральные фальсификации и другие проявления нечестной политической конкуренции, эмоциональную вовлеченность населения в политические процессы и так далее. Проведенное исследование подтверждает вывод о том, что выборы способствуют развитию мирных революционных протестов и снижают вероятность вооруженных восстаний. Новизна исследования заключается в том, что влияние выборов на риски революционной дестабилизации рассматривается в режимном контексте. Авторы исследуют, каким образом выборы влияют на насильственные или ненасильственные революционные выступления внутри типологии политических режимов Дж. Голдстоуна (полные автократии, частичные автократии, фракциональные демократии, частичные демократии и полные демократии). По результатам исследования авторы пришли к выводам, что, с одной стороны, проведение выборов понижает риски вооруженной революционной дестабилизации во всех типах режима, кроме фракциональных демократий. С другой стороны, невооруженные революционные выступления более вероятны в год проведения выборов — во всех типах режима, кроме полных демократий. При этом сильнее всего проведение выборов повышает риски невооруженных революционных выступлений в промежуточных режимах/анократиях. Однако и среди анократий выделяются фракциональные демократии, где в год выборов риски невооруженных (как, впрочем, и вооруженных) революционных конфликтов возрастают значительно больше, чем и в частичных автократиях, и в частичных нефракциональных демократиях. При этом для консолидированных демократий проведение выборов является фактором скорее ингибирующим, чем провоцирующим революционную дестабилизацию. В полных автократиях риск невооруженных революционных выступлений в год выборов повышается, но не так сильно, как в промежуточных режимах.

103

Ключевые слова: революции, протесты, насильственные выступления, ненасильственные выступления, выборы, дестабилизация, политические режимы

Andrew I. Zhdanov¹

HSE University, Moscow, Russia

1 Zhdanov Andrew Igorevich — Moscow, HSE University, trainee researcher of the scientific and educational laboratory for monitoring the risks of socio-political destabilization. E-mail: aizhdanov@edu.hse.ru

Andrey V. Korotayev¹

HSE University; RANEPA, Moscow, Russia

Elections, Regime Type, and Risks of Revolutionary Destabilization. A Quantitative Analysis

Abstract:

This article is devoted to the study of the nature of the influence of elections on the risks of revolutionary destabilization. The authors study different approaches to estimating the probability of revolutionary events in an election year. Different types of revolutionary events are distinguished within the framework of the level of political violence. The primary reasons for the activation of the politically active part of the population, both in autocracies and in transitional political regimes, are identified, including the factionalization of elites, the activation of “sleeping” institutions, the growth of political competence among individuals, the consolidation of the pro-democratic opposition and its institutionalization, electoral fraud and other manifestations of unfair political competition, greater emotional involvement of the population in political processes, and so on. The findings support the conclusion that elections promote peaceful revolutionary episodes and reduce the likelihood of armed uprisings. The novelty of the study lies in the fact that the influence of elections on the risks of revolutionary destabilization is considered in the regime context. The authors explore how elections affect violent or non-violent revolutionary actions in certain political regimes, according to Jack A. Goldstone’s typology (full autocracies, partial autocracies, factional democracies, partial democracies and full democracies). The authors conclude that holding elections reduces the risks of armed revolutionary destabilization in all types of regimes, except for factional democracies. On the other hand, unarmed revolutionary action is more likely in an election year — in all regime types except full democracies. At the same time, holding elections primarily increases the risks of unarmed revolutionary uprisings in intermediate regimes/anocracies. However, even among anocracies, factional democracies stand out, where in the election year the risks of unarmed (as well as armed) revolutionary episodes increase significantly more than in partial autocracies and in partial non-factional democracies. At the same time, for consolidated democracies, holding elections is a factor that inhibits rather than provokes revolutionary destabilization. In full autocracies, the risk of unarmed revolutionary action increases in an election year, but not as much as in intermediate regimes.

Keywords: revolutions, protests, violent performances, non-violent performances, elections, destabilization, political regimes

1 Korotayev Andrey Vitalievich — Moscow, HSE University, Professor, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Research and Educational Laboratory for Monitoring the Risks of Socio-Political Destabilization; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Leading Researcher of the International Laboratory for Demography and Human Capital. E-mail: akorotaev@hse.ru

Введение

Глобальное распространение выборов, предвыборных кампаний, референдумов, плебисцитов и других избирательных практик по всему земному шару делает их важным объектом изучения для сравнительной политологии. На данный момент выборы проводятся почти в каждой стране и в подавляющем большинстве случаев имеется как минимум видимость какой-либо конкуренции. Иными словами, текущая мировая практика проведения выборов далека от советских избирательных практик, при которых явка и число поданных голосов за безальтернативного кандидата достигали 99% [Little, Tucker, LaGatta 2015: 1154].

Подобие электоральной конкуренции после Второй мировой войны наблюдается в том числе и в авторитарных государствах. Появление авторитарных режимов, чей институциональный дизайн основан на многопартийных выборах с наличием хотя бы формальной конкуренции, привлек внимание как ученых-обществоведов, так и представителей политических элит, заинтересованных в консервации недемократических режимов демократическими методами. В результате влияние электоральной конкуренции на выживание тех или иных режимов стало значимой проблемой в научном сообществе [Rød 2019: 19].

Отдельные исследователи придерживаются точки зрения, согласно которой выживание авторитарного режима во многом обусловлено его способностью легитимизовать свое правление в глазах общества и элит, при этом чем реже для подтверждения собственной легитимности автократу требуется сила, тем устойчивее его правление [Smyth 2020]. Как правило, для этих целей используются не репрессивные механизмы, такие как создание доминантных партий, манипуляции на выборах, контроль СМИ и т. д. В то же время эффективность подобных инструментов зиждется на молчаливом одобрении обществом сложившегося status quo [Reuter 2017]. Иными словами, в случае отсутствия накопления критической массы политически активных граждан, недовольных авторитарным правлением, и серьезных социально-экономических и внешних вызовов, проведение выборов становится своего рода политическим амортизатором, обеспечивающим авторитарному режиму большую стабильность. Помимо этого, отдельные исследователи феномена авторитарных выборов сообщают, что проведение выборов способствует выживанию недемократического режима посредством внесения расколов в ряды оппозиции и повышения риска ее фракционализации во время политической гонки [Seeberg 2014: 1268].

В то же время помимо исследований, рассматривающих выборы как стабилизирующий механизм [Magaloni 2006; Lust 2009], суще-

ствуует противоположная точка зрения, подчеркивающая, что авторитарные выборы могут подрывать режим и способствовать разворачиванию механизмов демократического транзита [Lindberg 2007; Lindberg 2009; Howard, Roessler 2006]. Так, с 1989 по 2011 год 80% всех продемократических протестов проходили против инкумбента, выигравшего выборы, проведение поствыборных протестов в три раза увеличивает шансы продемократической оппозиции добиться успеха в борьбе с автократом [Brancati 2016: 96; Hafner-Burton, Hyde, Jablonski 2018: 5–6]. Данное противотечение позволило отдельным исследователям установить парадокс взаимосвязи выборов и рисков революционной дестабилизации, как одну из наиболее значимых проблем политической науки [Seeberg 2014].

Подобного рода «пробелы» относительно влияния выборов на стабильность в политической науке касаются и демократических режимов. Классическая теория демократии, согласно Адаму Пшеворскому, постулирует, что демократический режим является самоподдерживающейся системой, т. к. выживаемость демократий основана на использовании выборов как наиболее цивилизованной альтернативы насилию при разрешении политических конфликтов [Przeworski 1991]. В данном случае подразумевается, что рациональные политические акторы предпочтут скорее смириться с поражением и готовиться к следующему избирательному циклу, чем способствовать эскалации политического конфликта путем конфронтации со своими соперниками, риски которой превышают издержки поражения на выборах [Chernykh, Svolik 2015].

106

Однако на фоне деконсолидации «старых» демократий Евроатлантического региона¹, отдельные исследователи отмечают, что на фоне поляризации, которой подвержены страны Западной Европы и в особенности США, радикально настроенные политические лидеры способствуют развитию центробежных тенденций, нарушая привычный избирательный процесс. Так, значительным объектом для изучения стали события 6 января 2021 года у Капитолия США², которые заставили отдельных политических ученых пересмотреть свои подходы, касающиеся факторов режимной стабильности в демократиях как таковых и в Соединенных Штатах в частности [Walter 2022].

В то же время предыдущие эмпирические исследования показали — выборы увеличивают риск невооруженных революцион-

1 О процессах деконсолидации см.: [Norris, Inglehart 2019; Shin 2018; Foa, Mounk 2016; Oberhauser, Krier, Kusow 2019; Zhdanov, Korotayev 2022; Жданов 2020].

2 Отметим, что некоторые исследователи рассматривают данные события в качестве революционного эпизода [Goldstone et al. 2022].

ных выступлений; что же касается насильственных революций, то проведение выборов в тот же год, в качестве предиктора, является незначимым [Butcher, Svensson 2016; Chenoweth, Ulfelder 2017]¹.

Новизна данной работы, в свою очередь, заключается в том, что влияние выборов на риски революционной дестабилизации рассматривается в контексте разных политических режимов.

Таким образом, проблемой данного исследования является противоречие между известными политологическими теориями

1 Отметим, что эти авторы предпочитают называть невооруженные революционные выступления «ненасильственными максималистскими кампаниями». При этом, вслед за П. Аккерманом и К. Крюглером [Ackerman, Kruegler 1994], Э. Ченовет и М. Стивен определяют «кампанию» как «серию наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик в преследовании политической цели». Более того, в вышеупомянутых исследованиях рассматриваются кампании «с целями, которые воспринимаются как максималистские [фундаментальное изменение политического порядка]; ...мы намеренно выбираем только кампании с целями, которые воспринимаются как максималистские по своей природе: смена режима или национальное самоопределение» [Stephan, Chenoweth 2008: 68]. Таким образом, в вышеупомянутых работах изучаются «серии наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик, преследующих фундаментальные изменения политического порядка: смену режима или национальное самоопределение». Нетрудно видеть, что данное определение практически идентично нижеприведенным определениям революции Дж. Голдстоуна и Дж. Лоусона, на которые мы опираемся в настоящей работе. Сопоставление этих определений показывает, что «максималистские кампании» — это не что иное, как революции (в том числе национально-освободительные); следовательно, вышеупомянутые работы действительно изучают революции (довольно причудливо обозначенные как «кампании»). В пользу этого говорит и тот факт, что в базе данных Э. Ченовет *NAVCO: Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes* «кампаниями» названы все бесспорные революции с 1900 года — включая российские революции 1905–1907 и 1917 годов, Конституционную революцию в Иране, Синьхайскую революцию в Китае, Мексиканскую революцию 1910–1917 годов и так далее [Chenoweth, Shay 2020]. Таким образом, результаты исследований факторов начала «максималистских кампаний» оказываются вполне релевантны и для нашего анализа одного из факторов революционной дестабилизации. Отметим также, что М. Кадивар и Н. Кечли вполне убедительно показали, что участники большинства т.н. «ненасильственных максималистских кампаний» прибегали к насилию в достаточно серьезных масштабах (здесь можно вспомнить хотя бы Египетскую революцию 2011 года или Украинскую революцию (Евромайдан) 2013–2014 гг., которые Э. Ченовет вполне уверенно квалифицирует именно как «ненасильственные максималистские кампании»), в связи с чем они с полными на то основаниями полагают, что называть такие революционные выступления «ненасильственными» неправильно, предлагая обозначать их как «невооруженные» [Kadivar, Ketchley 2018].

о влиянии выборов на стабильность тех или иных типов режимов и наблюдаемой политической реальностью.

Теоретический аспект влияния выборов на риски революционной дестабилизации в разных политических режимах

В контексте данного исследования в первую очередь необходимо определить, каким образом авторы понимают революцию. Мы пользуемся следующими определениями: «Революция — это попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» [Голдстоун 2006: 61]. «Революция — это коллективная мобилизация, которая пытается быстро и насильственно свергнуть существующий режим с целью трансформации политических, экономических и символических отношений» [Lawson 2019: 5].

108

Отметим также, что под приведенные определения попадают как победоносные революционные события, так и революционные события, закончившиеся неудачей.

При этом очень важно разделять вооруженные и невооруженные революционные выступления, поскольку, как было убедительно показано к настоящему времени, уровни рисков их начала связаны с действием существенно разных факторов, когда позитивный предиктор вооруженного революционного выступления может оказываться негативным предиктором выступления невооруженного, и наоборот [Устюжанин и др. 2022; Goldstone 2004; Stephan, Chenoweth 2008; Butcher, Svensson 2016; Chenoweth, Ulfelder 2017; Gleditsch, Rivera 2017; Gleditsch et al. 2021; Beissinger 2022].

Взаимосвязь между выборами и ростом протестной активности и революционных событий изучена гораздо более скудно, чем влияние иных факторов революционной дестабилизации. Отчасти это связано с методологическими трудностями проверки влияния результатов выборов на протестные движения, а отчасти из-за скудной системной спецификации «механизмов связи», соединяющих рутинные политические процессы [Gold, Peña 2019: 325; Wong, Chan 2021]. В то же время современная политическая наука указывает на выборы как на критически важный фактор, который может привести к структурным изменениям и значительным образом повлиять на стабильность тех или иных институциональных конфигураций. Так, отдельные исследователи находили доказательства глобального распространения выборов как триггеров, в первую оче-

редь ненасильственного сопротивления. Однако также существуют исследования, утверждающие, что выборы увеличивают вероятность как мирных, так и насильственных протестов — особенно в развивающихся обществах [Baldwin, Mvukiyeye 2015: 715–16; Beissinger 2022: 100], поскольку выборы побуждают широкие слои населения к активным политическим действиям, особенно это касается случаев массовых фальсификаций результатов выборов [Butcher, Svensson 2016: 313–21].

В современных политологических исследованиях, изучающих влияние выборов на риски возникновения революционных событий, различаются несколько факторов, посредством которых проведение выборов способствует разворачиванию массовых протестов и увеличивает риск революционной дестабилизации.

В первую очередь даже самые «фиктивные» выборы побуждают правящие элиты допускать возможность минимального уровня организации масс «снизу» для формирования предвыборных штабов, агитационных кампаний, сети сторонников и т. д. Помимо этого, выборы подразумевают некую долю политического плюрализма, что позволяет реформаторам, встроенным в политическую систему или даже являющимся частью истеблишмента, выйти из тени и заявить о своих программах или амбициях [Chenoweth, Ulfelder 2017: 309–10]. Таким образом, возникают межэлитные разногласия, являющиеся одним из центральных факторов успешного протеста и предоставляющие одну из наиболее важных возможностей для ненасильственной мобилизации, т. к., согласно концепции Адама Пшеворского, для успешного демократического протеста необходима консолидация (союз) между умеренными лидерами оппозиции и реформаторски настроенной частью элит. В результате на фоне цивилизованной предвыборной кампании лидеры оппозиции, видя готовность элит к сотрудничеству, воздерживаются от крайних методов борьбы, а элиты, отмечая ненасильственный характер оппозиционной деятельности, отказывают в поддержке сторонникам «твердой линии», предлагающим инструмент политических репрессий в качестве разрешения возникшего противоречия [Przeworski 1991: 121].

Иными словами, выборы могут способствовать развитию расколов среди правящих элит, появлению у оппозиции влиятельных союзников, вовлечению в политические процессы новых акторов и широких слоев населения, что способствует развитию протестных кампаний [Beissinger 2022: 93–94]. В то же время можно было бы ожидать, что в более свободных обществах выборы не будут иметь такого же мобилизующего эффекта на население, как в авторитарных режимах, где выборы представляют собой важное централь-

ное событие, вокруг которого можно мобилизовать сторонников для революционной борьбы [Chenoweth, Ulfelder 2017: 310].

Другим немаловажным аспектом выборов является мобилизация широких слоев населения, которые, в особенности в авторитарных странах, зачастую подвержены политическому абсентеизму. Одной из центральных компонентов любого авторитарного режима является фальсификация предпочтений, под влиянием которой индивиды, даже будучи достаточно недовольны, чтобы присоединиться к протестным действиям, уклоняются от публичной манифестации своей позиции, считая, что находятся в меньшинстве, хотя в реальности социально-политическая конфигурация может быть совсем иной [Kuran 1997].

110 Выборы же, в свою очередь, приковывают внимание населения к ранее не интересовавшим его политическим вопросам. Международные наблюдатели, освещение в СМИ, правозащитные организации, предоставляя достоверную информацию о нарушениях избирательных прав граждан, заостряют внимание индивидов на изъянах режима и несправедливых институциональных правилах, чем побуждают тех к более явной артикуляции своих политических претензий в форме уличного протеста. Тем самым, в рамках авторитарных выборов, политические акторы борются не только за власть, но и за правила игры. И даже проиграв выборы, оппозиционные партии нередко обращаются к инструменту массовых протестов, чтобы попытаться добиться изменений в институциональной структуре и уравнять шансы на следующих выборах [Bell, Chernykh 2019: 461–62]. Имели место случаи, когда оппозиция, на фоне зафиксированных процессуальных нарушений или незначительного перевеса у инкумбента, мобилизовала широкие массы населения к участию в протестах для оспаривания выборов, которые на самом деле были ею проиграны [Chernykh, Svolik 2015: 148].

Иными словами, выборы, сигнализируя все большему числу людей об уязвимостях и слабости правительства, а также демонстрируя потенциальную нерешительность правящих элит, могут спровоцировать каскадообразное обрушение фальсификации предпочтений [Kuran 1997], когда все большее число противников режима перейдут от апатии к активным действиям, присоединившись к борьбе против автократа и консолидируя протестные силы [Hafner-Burton, Hyde, Jablonski 2018: 15–18]. Вероятность каскадообразных массовых акций протеста повышается из-за того, что, во-первых, выборы снижают издержки участия в политической борьбе для индивида, во-вторых, вовлечение оппозиционных сил в политическую борьбу против инкумбента размывает основу его поддержки и способствует укреплению уверенности оппозиции в возможности одержать победу [Little, Tucker, LaGatta 2015: 1149].

Таким образом, несмотря на то что автократы на выборах сигнализируют о своей непобедимости, они все же могут столкнуться с угрозой объединения всех недовольных в гражданский протест как во время, так и после окончания выборов [Seeberg 2014: 1271; Baldwin, Mvukiyehe 2015: 721].

Важной составляющей, способствующей развитию протестов в авторитарных государствах, является использование инкубентом электоральных фальсификаций. Согласно множеству исследований, столкнувшись в рамках предвыборной кампании с тем фактом, что его поддержка далеко не так абсолютна, как казалось ранее, автократ вынужден прибегать к двум альтернативам: или попытаться победить в рамках максимально честных и открытых выборов, чтобы никто не мог усомниться в их результате (а в случае поражения уйти в полудобровольную отставку, как генерал Августо Пиночет), или прибегать к механизму фальсификаций результатов выборов [Harvey, Mukherjee 2020: 534-36; Chernykh, Svolik 2015: 409].

Во втором случае высока вероятность возникновения поствыборных протестов, которые происходили в каждой четвертой автократии с конкурентными выборами в период с 1950 по 2010 год [Rød 2019: 12]. Данный факт связан с тем, что фальсификацию выборов во множестве исследований называют триггером и основной движущей силой народных восстаний, в особенности в посткоммунистических государствах [Beissinger 2022: 97]. Так, фальсификация выборов подтверждает порочность режима колеблющимся индивидам и усиливает недовольство тех, кто уже склоняется к участию в политической борьбе. Одновременно информация о фальсификациях решает проблему коллективных действий, объединяя всех недовольных неправомерными действиями властей, независимо от их политических взглядов, этнической или социальной принадлежности [Rød 2019: 12-13]. Иными словами, мошенничество на выборах не только само по себе является значимым фактором дестабилизации авторитарного режима, но и ведет за собой активизацию иных стимулов разворачивания широкой кампании общественного недовольства [Harvey, Mukherjee 2020: 534-40; Hafner-Burton, Hyde, Jablonski 2018: 12].

Важной составляющей предвыборного процесса сегодня является активизация населения в социальных сетях. Во время выборов происходит резкая политизация социальных сетей, что значительно увеличивает риск и интенсивность революционной дестабилизации по причине того, что их главной аудиторией является молодежь — наиболее политически активная часть населения. Для многих молодых людей предвыборная гонка становится первым опытом политизации (особенно если продолжительность авторитарного правления достаточно высока), что накладывает отпечаток

на их дальнейшую политическую самоидентификацию [Bacallao-Pino 2016: 814–20]. Еще одним проявлением массовой коммуникации в социальных сетях в рамках предвыборной кампании является т.н. феномен «виртуальной толпы» — консолидация протестного электората вокруг единой структуры, накопление сил, кооптация новых сторонников и их дальнейшая активизация на улицах. Подобный феномен наблюдался в рамках протестов в Белоруссии в 2020 году [Esiev 2021: 2].

Помимо прочего, основным компонентом даже наименее конкурентных выборов является эмоциональная вовлеченность избирателей в предвыборную гонку. Согласно множеству исследований, для успешного разворачивания протестных акций необходимо в том числе возникновение, с одной стороны, «эмоций приближения», таких как солидарность, с идеологическими союзниками и протестующими, а с другой, «эмоций отчуждения» — гнева или страха, побуждающих индивидов участвовать как в голосовании, так и в протестах. При этом гнев рассматривается как основной мотиватор участия в протестах [Aytaç, Stokes 2018]. Оскорбительные действия со стороны властей (такие как манипуляции, фальсификации выборов и другие злоупотребления) в отношении больших групп граждан приводят к их большей эмоциональной вовлеченности в разворачивающиеся политические события; особенно это касается протестных акций, которые дают наилучшую возможность реализации накопленного гнева [Harvey, Mukherjee 2020]. Государственные репрессии в ответ на предвыборные успехи оппозиции, такие как лишение свободы по политическим мотивам, похищения оппозиционных лидеров или видных активистов, также приводят к росту раздражения среди населения и повышают его готовность к участию в массовых акциях [Bell, Chernykh 2019]. Также граждане становятся более агрессивными, когда видят, что реальные результаты инкумбента отличаются от декларируемых [Little, Tucker, LaGatta 2015]. Помимо этого, выборы обостряют чувство гражданской ответственности за политическое будущее своей страны и убеждают индивидов в важности, необходимости и желательности политического участия, вследствие чего возникает «воронка вовлеченности» в результате участия в избирательном процессе до протестных кампаний и в особенно острых конфликтах — революционных действиях.

Также важным сопутствующим компонентом выборов, который увеличивает вероятность протестов, массовых акций недовольства, революций и т.п. политических конфликтов, является тот факт, что выборы способствуют увеличению заметности оппозиции, стимулированию формирования гражданских объединений, прививанию гражданам демократических норм, способствуют появлению у оппозиции опыта ведения политической борьбы (независимо от успеха

в день голосования), появлению на политической сцене компетентных и амбициозных политических лидеров, способных объединять вокруг себя людей для массовых акций, развитию локальных сообществ и малых объединений, которые являются «кирпичиками» как гражданского общества, так и демократии в целом [Seeberg 2014: 1267; Beissinger 2022: 127–28; Baldwin, Mvukiyehe 2015: 692–93].

Другим значимым последствием предвыборных кампаний является возникновение избирательных штабов оппозиционных кандидатов, которые становятся, с одной стороны, «точкой сборки» для недовольных текущим политическим режимом индивидов, а с другой — разными путями способствуют увеличению вероятности возникновения революционных протестных акций. Так, как правило, избирательные штабы производят параллельно официальным каналам коммуникации инкумбента кампании по информированию населения, содействуя развитию политической культуры индивидов, придают недовольным бóльшую уверенность в своих силах, организуют кампании по наблюдению за выборами, что приводит к раскрытию фактов фальсификаций и мошенничества и еще больше повышает вероятность поствыборных протестов, координируют действия своих сторонников, проводят социологические опросы, разрушающие миф о всенародной поддержке автократа, и принимают непосредственное участие в организации массовых выступлений [Little, Tucker, LaGatta 2015: 1144; Bacallao-Pino 2016: 830].

113

Помимо этого, важной составляющей, способствующей развитию протестов и революционных акций в год выборов, являются попытки дисквалификации популярных оппозиционных кандидатов, которые представляют наибольшую опасность для автократа [Esiev 2021]. Подобного рода действия воспринимаются обществом как проявление нечестной политической конкуренции и еще больше обостряют противоречия между властью и гражданами, подталкивая тех к выражению своей политической воли на улицах, при отсутствии возможности выразить ее в рамках голосования [Yana, Matti 2019].

Демократические режимы, в свою очередь, также подвержены рискам революционной дестабилизации в годы выборов; особенно разворачиванию широкой политической конфронтации подвержены переходные демократии с несложившейся институциональной структурой (когда суды, избирательные комиссии, глава государства и другие органы власти не являются полностью политически беспристрастными), анократии, нелиберальные демократии и так далее [Chernykh, Svolik 2015: 409; Walter 2022; Estes-Pérez 2021].

Таким образом, в год выборов значительно повышается вероятность разворачивания широкомасштабных протестов по при-

чине того, что в выборный период обостряется множество проблем и институциональных изъянов авторитарного режима, что значительно ослабляет его политическую резистентность кампаниям общественного давления [Brancati 2016: 80]. Выборы тем самым аккумулируют не только максимальное число недовольных общественных групп, но и способствуют информированию индивидов о наиболее уязвимых точках авторитарного режима — коррупции, несправедливости, фальсификациях, наличии фальсификации предпочтений, замалчивании большинства проблем, скрытом недовольстве [Kselman, Niou 2011: 397-400; Estes-Pérez 2021]. Иными словами, выборы в разрезе влияния на вероятность роста риска революционной дестабилизации и разворачивания массовых протестов обладают кумулятивным эффектом, в результате чего одни факторы и обстоятельства (а также долгосрочные и краткосрочные движущие силы революций) накладываются друг на друга [Yana, Matti 2019: 4; Bacallao-Pino 2016: 815; Molina 2002: 220].

На основании вышесказанного авторы формулируют следующие гипотезы:

114

- Н1: Вероятность революционных выступлений повышается в год выборов.
- Н2: Вероятность ненасильственных революционных выступлений в год выборов выше, чем насильственных.
- Н3: Вероятность революционных выступлений в год выборов в фракциональных демократиях и переходных режимах больше, чем в полных автократиях.

Эмпирический анализ

Авторы данной статьи предполагают следующий дизайн исследования — использование логистической регрессии для редких событий (Rare Events Logistic Regression), где зависимая переменная — наличие революционного эпизода в стране (на панельных данных), а предиктор — наличие выборов в этот год [Firth 1993]. Указанный подход позволяет выполнять статистические расчеты по таким зависимым переменным, как революционные выступления, которые происходят крайне редко, из-за чего суммарная выборка на панельных данных существенно смещается, так как в большинстве наблюдений революционных ситуаций не наблюдается [Kosmidis, Firth 2021].

Для анализа мы используем информацию, предоставляемую базой данных *Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes (NAVCO) 1.3* [Chenoweth, Shay 2020], которая идентифицирует 622 революционных выступления/«кампаний», происходивших с 1900 по 2019

год. Она описывает революционные выступления по целям, продолжительности, успеху или неудачи и, что важно для нас, по методам — вооруженным и невооруженным. Именно последняя классификация — было ли революционное выступление/«кампания» вооруженной или нет — будет взята нами в качестве основы для создания двух зависимых переменных. Так, первой зависимой переменной будет наличие вооруженного революционного выступления за определенный год в конкретной стране, когда «1» — произошло вооруженное революционное выступление, а «0» — или отсутствие любого события, или невооруженное выступление. Вторая зависимая переменная — наличие невооруженного революционного выступления, которое получено тем же образом, однако «1» свидетельствует о невооруженном характере события. Дополнительная кросс-валидация проводилась по нашей собственной базе данных революционных событий [Коротаев и др. 2022; Grinin, Grinin 2022].

В результате анализа таблицы сопряженности мы можем заключить, что существует статистически значимая взаимосвязь между революционными событиями и выборами, проходящими в этот год (см. табл. 1).

Таблица 1. Таблица сопряженности между революционными событиями и выборами

Table 1. Table of contingencies between revolutionary events and elections

			Год выборов		Всего
			Нет	Есть	
Революционное событие	Нет	Количество	5921	1948	7869
		Ожидаемое количество	5905,7	1963,3	7869,0
		%	75,2	24,8	100,0
	Есть	Количество	92	51	143
		Ожидаемое количество	107,3	35,7	143,0
		%	64,3	35,7	100,0

Хи-квадрат Пирсона равен 8,926, p-value = 0,003**

Применение логистической регрессии с редкими событиями к указанному данным показывает, что выборы являются статистически значимым предиктором революционных событий вообще и ненасильственных протестов в частности (см. табл. 2).

Таблица 2. Соотношение между выборами и рисками революционной дестабилизации: Логистическая регрессия с редкими событиями (Rare events logistic regression)

Table 2. Correlation between elections and risks of revolutionary destabilization: Rare events logistic regression

	Революционное событие	Вооруженное революционное выступление	Невооруженное революционное выступление
Константа	-4,15*** (0,1)	-3,85*** (0,09)	-3,85*** (0,09)
Выборы	0,52** (0,17)	-0,19 (0,19)	0,42** (0,15)
AIC	1430	1565	1781

Стандартные ошибки расположены в скобках.

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

При этом, согласно рассчитанному отношению шансов революционной дестабилизации в зависимости от проведения в тот же год выборов, выборы в наибольшей степени провоцируют наступление революционных событий как таковых и ненасильственных протестных акций. В то же время проведение выборов снижает вероятность насильственных восстаний (см. рис. 1). Данный результат совпадает с выводами предыдущих исследований, касательно влияния выборов на разные типы революционных событий [Butcher, Svensson 2016; Chenoweth, Ulfelder 2017].

Что касается влияния выборов на риски революционной дестабилизации в режимном контексте, то в данном случае авторы используют типологию Дж. Голдстоуна [Goldstone et al. 2010: 196]. Данный подход выделяет пять типов политических режимов на основе двух показателей базы данных Polity — EXREC (Executive Recruitment: «Способ прихода к власти главы государства») и PARCOMP (Competi-

tiveness of Political Participation: «Соревновательность политического участия») с использованием схемы, представленной в следующей таблице (см. табл. 3).

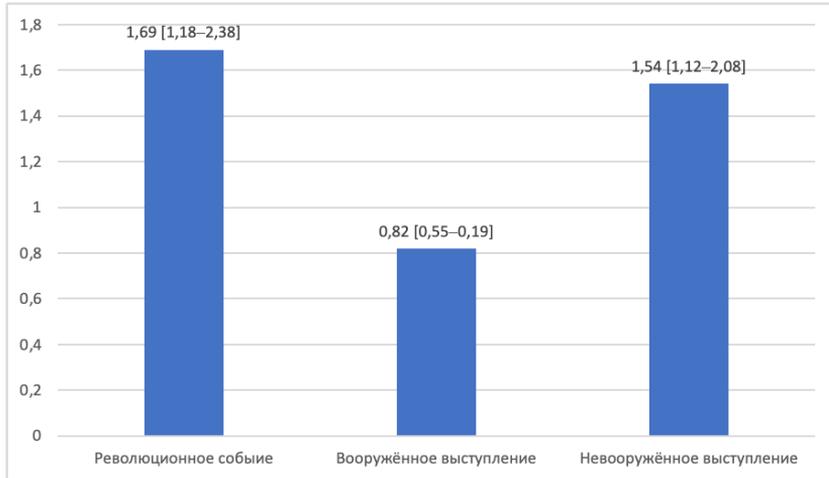


Рисунок 1. Результаты бинарной логистической регрессии на риск революционной дестабилизации для разных типов протестных акций (отношение шансов)

Figure 1. Results of binary logistic regression on the risk of revolutionary destabilization for different types of protest actions (odds ratio)

В результате расчета отношения шансов для возникновения риска разного рода революционных событий в зависимости от проведения выборов в тех или иных политических режимах были получены следующие результаты. Как мы можем убедиться, выборы снижают риски возникновения вооруженных восстаний во всех режимах, кроме фракциональных демократий (анократий) и увеличивают риск возникновения невооруженных выступлений во всех типах режима (см. рис. 2, 3). Базовым категорием при этом является отсутствие выборов. Под анократиями понимаются промежуточные типы режима, находящиеся между полными автократиями и полными демократиями: частичные автократии, фракциональные демократии и частичные демократии. Напомним, что фракциональная демократия — это такая демократия, когда размежевание политических сил идет не по линиям типа «правые — левые» или «либералы — консерваторы», а по таким линиям, как «сунниты — шииты», «последователи клана Салехов — последователи клана Ахмаров» и т. д. [Korotayev, Vaskin, Romanov 2021; Коротаев и др. 2019].

Таблица 3. Схема определения типа режима по Дж. Голдстоуну
 [Goldstone et al. 2010: 196]
 Table 3. Scheme for determining the type of regime according to J. Goldstone
 [Goldstone et al. 2010: 196]

Соревновательность политического участия (PARCOMP: Competitiveness of Political Participation)	
Способ прихода к власти главы государства (EXEC: Executive Recruitment)	Полностью подавляется (Repressed) (1) Подавляется/ограничивается (Suppressed) (2) Не регулируется (Unregulated) (0) Фракционная (Factional) (3) Промежуточная (Transitional) (4) Полностью соревновательная (Competitive) (5)
(1) Аскрипция (по праву рождения, <i>Ascription</i>)	
(2) Сочетание аскрипции и назначения (<i>Ascription + Designation</i>)	
(3) Назначение (через неформальное соревнование среди элиты, <i>Designation: Informal competition within an elite</i>)	
(4) Самоназначение (через захват власти, <i>Self-selection by seizure of power</i>)	
(5) Переходный от самоназначения (<i>Gradual Transition from Self-Selection</i>)	
(6) Сочетание аскрипции и выборов (<i>Ascription + Election</i>)	



Условные обозначения к Табл. 3
Legend to Tab. 3

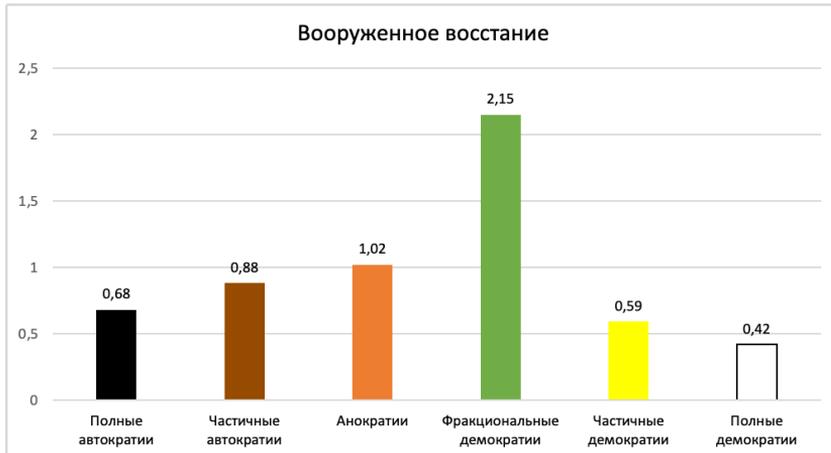
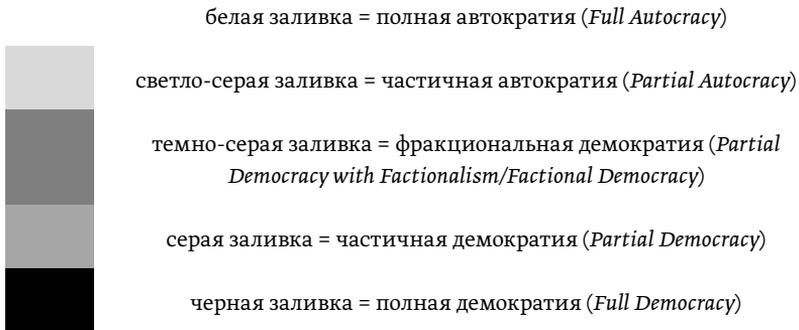
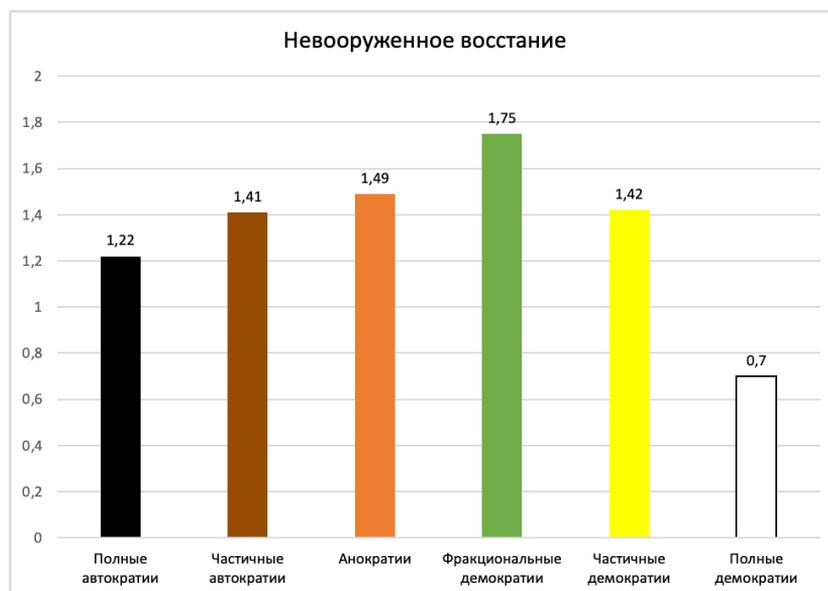


Рисунок 2. Результаты бинарной логистической регрессии на риск революционной дестабилизации для разных типов протестных акций (отношение шансов).

Figure 2. Results of binary logistic regression on the risk of revolutionary destabilization for different types of protest actions (odds ratio).



120

Рисунок 3. Результаты бинарной логистической регрессии на риск революционной дестабилизации для разных типов протестных акций (отношение шансов).

Figure 3. Results of binary logistic regression on the risk of revolutionary destabilization for different types of protest actions (odds ratio).

Анализ результатов логистической регрессии, в свою очередь, подтверждают данные рисунков 2 и 3 о том, что проведение выборов повышает вероятность возникновения вооруженных восстаний во фракциональных демократиях (см. табл. 4).

Таблица 4. Соотношение между выборами и рисками революционной дестабилизации в разных типах режима: Логистическая регрессия с редкими событиями (Rare events logistic regression)

	Революционные события	Революционные события	Невооруженные восстания	Вооруженные восстания
Константа	-4,71	-4,73	-4,06***	-4,02***
	(0,16)	(0,17)	(0,12)	(0,12)

Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации...

Выборы	0,57**	0,66	0,29	-0,25
	(0,2)	(0,35)	(0,29)	(0,36)
Частичная автократия	1,2***	1,24***	0,4	0,44*
	(0,21)	(0,24)	(0,22)	(0,21)
Фракционная демократия	0,84***	0,93***	0,53**	-0,74*
	(0,22)	(0,25)	(0,2)	(0,31)
Частичная демократия	1,38***	1,39***	0,68**	0,33
	(0,23)	(0,24)	(0,21)	(0,23)
Полная демократия	-1,63***	-1,81**	-1,6***	-2,52***
	(0,49)	(0,65)	(0,42)	(0,64)
выборы* Частичная автократия		0,06	0,56	0,1
		(0,5)	(0,46)	(0,62)
выборы* Фракционная демократия		-0,34	-0,18	1,33*
		(0,5)	(0,45)	(0,58)
выборы* Частичная демократия	-1,05*	-1,14*	0,31	-0,08
	(0,5)	(0,58)	(0,43)	(0,63)
выборы* Полная демократия		0,62	-13,1	-0,06

		(0,96)	(298)	(0,09)
Количество наблюдений	7566	7566	7602	7602
AIC	1711	1716	2135	1617

Стандартные ошибки расположены в скобках.

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

Выводы

Таким образом, проведение выборов в целом является значимым предиктором революционной дестабилизации, однако при детальном рассмотрении видна асимметрия влияния выборов на вероятность возникновения разных типов революционных событий — вооруженных или невооруженных. При этом для консолидированных демократий проведение выборов является фактором скорее ингибирующим, чем провоцирующим революционную дестабилизацию. Выборы повышают риск невооруженных революционных выступлений в авторитарных и в особенности переходных режимах.

Значительная асимметрия влияния выборов на риски разворачивания революционных процессов проявляется как в рамках характера этих процессов (насильственные/ненасильственные), так и в контексте типа режима. Так, выборы снижают риск вооруженных восстаний, являясь своего рода политическим амортизатором — способствуя большему гражданскому воспитанию населения, развивая политическую культуру и прививая индивидам склонность к цивилизованным методам политической борьбы во всех типах режима, кроме фракциональной демократии. В то же время невооруженные революционные выступления более вероятны в год проведения выборов во всех типах режима, кроме полных демократий. При этом сильнее всего проведение выборов повышает риски невооруженных революционных выступлений в промежуточных режимах/анократиях. Однако и среди анократий выделяются фракциональные демократии, где в год выборов риски невооруженных (как, впрочем, и вооруженных) революционных конфликтов возрастают значительно больше, чем и в частичных автократиях, и в частичных нефракциональных демократиях¹.

1 Это служит неплохим подтверждением некоторых предыдущих исследований, показавших, что фракциональные демократии являются ти-

Библиография / References

Голдстоун Д. (2006) К теории революции четвертого поколения. *Логос*, 56 (6): 58–103.

— Goldstone D. (2006) Toward a Fourth Generation Theory of Revolution. *Logos*, 56(6): 58–103. — in Russ.

Жданов А. И. (2020) Угрозы деконсолидации либеральной демократии: определение магистрального пути эрозии демократического режима на примере Соединенных Штатов Америки. *История и современность*, 38 (4): 62–71.

— Zhdanov A. I. (2020) Threats to the Deconsolidation of Liberal Democracy: Identifying the Main Path to Democratic Regime Erosion in the Case of the United States of America. *History and Modernity*, 38 (4): 62–71. — in Russ.

Есиев Э. Т. (2021) Интернет-технологии политической мобилизации в белорусских протестах на предвыборном этапе. *Вестник Московского государственного областного университета*, (2): 23–37.

— Esiev E. T. (2021) Internet technologies of political mobilization in Belarusian protests at the pre-election stage. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, (2): 23–37. — in Russ.

Коротаев А., Васькин И., Романов Д. (2019) Демократия и терроризм: новый взгляд на старую проблему. *Социологическое обозрение*, 18 (3): 9–48.

— Korotayev A., Vaskin I., Romanov D. (2019) Democracy and terrorism: a re-analysis. *Russian Sociological Review*, 18(3): 9–48. — in Russ.

Коротаев А., Гринин Л., Медведев И., Слав М. (2022) Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке. *Социологическое обозрение*, 21 (4): 9–65.

— Korotayev A., Grinin L., Medvedev I., Slav M. (2022) Types of political regimes and risks of revolutionary destabilization in the 21st century. *Russian Sociological Review*, 21 (4): 9–65. — in Russ.

Устюжанин В. В., Гринин Л. Е., Медведев И. А., Коротаев А. В. (2022) Образование и революции (Почему революционные выступления принимают вооруженную или невооруженную форму?). *Журнал политической философии и социологии политики «Политея»*, 104 (1): 50–71.

— Ustyuzhanin V. V., Grinin L. E., Medvedev I. A., Korotayev A. V. (2022) «Education and Revolutions (Why Do Some Revolutions Take up Arms while Others Do Not?)». *The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics "Politeia"*, 104 (1): 50–71. — in Russ.

пом режима, наиболее подверженным дестабилизации [Goldstone et al. 2010; Slinko et al. 2017; Korotayev, Vaskin, Romanov 2021; Коротаев и др. 2019].

Ackerman P., Christopher K. (1994) Strategic Nonviolent Conflict: The Dynamics of People Power in the Twentieth Century. *Choice Reviews Online*, 31 (09): 725–726.

Aytaç S. E., Susan C. S. (2018) *Why Bother?: Rethinking Participation in Elections and Protests*, Cambridge: Cambridge University Press.

Bacallao-Pino L. M. (2016) Redes sociales, acción colectiva y elecciones: los usos de Facebook por el movimiento estudiantil chileno durante la campaña electoral de 2013. *Palabra Clave — Revista de Comunicación*, 19 (3): 810–37.

Baldwin K., Mvukiyehe E. (2015) Elections and Collective Action: Evidence from Changes in Traditional Institutions in Liberia. *World Politics*, 67 (4): 690–725.

Beissinger M. R. (2022) *The revolutionary city: urbanization and the global transformation of rebellion*, Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Bell S. R., Chernykh S. (2019) Human Rights Violations and Post-Election Protest. *Political Research Quarterly*, 72 (2): 460–72.

Brancati D. (2016) *Democracy Protests: Origins, Features, and Significance*, Cambridge: Cambridge University Press.

Butcher C., Svensson I. (2016) Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, 60 (2): 311–39.

Chenoweth E., Ulfelder J. (2017) Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? *Journal of Conflict Resolution*, 61 (2): 298–324.

Chenoweth E., Shay C. (2020) List of Campaigns in NAVCO 1.3. Harvard Dataverse. 07 May 2022. <https://doi.org/10.7910/DVN/ON9XND>

Chernykh S., Svolik M. W. (2015) Third-Party Actors and the Success of Democracy: How Electoral Commissions, Courts, and Observers Shape Incentives for Electoral Manipulation and Post-Election Protests. *The Journal of Politics*, 77 (2): 407–20.

Esteso-Pérez A. (2021) Illiberalism, revolution and the 2016 Macedonian elections: The effects of social movements on electoral accountability. *Intersections*, 7 (4): 32–51.

Firth D. (1993) Bias Reduction of Maximum Likelihood Estimates. *Biometrika*, 80 (1): 27–38.

Foa R. S., Mounk Y. (2016) The Democratic Disconnect. *Journal of Democracy*, 27 (3): 5–17.

Gleditsch K., Dahl M., Gates S., González B. (2021) Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Nonviolent Tactics. *The Economics of Peace and Security Journal*, 16 (1): 1–49.

Gleditsch K., Rivera M. (2017) The Diffusion of Nonviolent Campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, 61 (5): 1120–1145.

Gold T., Peña A. M. (2019) Protests, Signaling, and Elections: Conceptualizing Opposition-Movement Interactions during Argentina's Anti-Government Protests (2012–2013). *Social Movement Studies*, 18 (3): 324–45.

- Goldstone J. (2004) More Social Movements or Fewer? Beyond Political Opportunity Structures to Relational Fields. *Theory and Society*, 33 (3/4): 333–365.
- Goldstone J., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustik M., Marshall M., Ulfelder J., Woodward M. (2010) A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science*, 54 (1): 190–208.
- Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (2022) Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events // Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (Eds.) Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Cham: Springer. P. 1–34.
- Gorokhovskaia Y., Dollbaum M. J. (2019) Russian Regional Elections. *Russian analytical digest*, (239): 1–12.
- Grinin L., Grinin A. (2022) Revolutionary waves and lines of the 20th century // Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (eds.) Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. Cham: Springer. P. 315–388.
- Hafner-Burton E. M., Hyde S. D., Jablonski R. S. (2018) Surviving Elections: Election Violence, Incumbent Victory and Post-Election Repercussions. *British Journal of Political Science*, 48 (2): 459–88.
- Harvey C. J., Mukherjee P. (2020) *Methods of Election Manipulation and the Likelihood of Post-Election Protest Government and Opposition*, 55 (4): 534–56.
- Howard M. M., Roessler P. G. (2006) Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes. *American Journal of Political Science*, 50 (2): 365–381.
- Kadivar M. A., Ketchley N. (2018) Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, (4): 1–16.
- Korotayev A., Vaskin I. & Romanov D. (2021) Terrorism and Democracy: A Reconsideration. *Comparative Sociology*, 20(3): 344–379.
- Kosmidis I., Firth D. (2021) Jeffreys–Prior Penalty, Finiteness and Shrinkage in Binomial-Response Generalized Linear Models. *Biometrika*, 108 (1): 71–82.
- Kselman D., Emerson N. (2011) Protest Voting in Plurality Elections: A Theory of Voter Signaling. *Public Choice*, 148 (3–4): 395–418.
- Kuran T. (1997) *Private Truths, Public Lies: The Social Consequences of Preference Falsification*, Cambridge (Mass.): Harvard university press.
- Lawson G. (2019) *Anatomies of Revolution*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Lindberg S. (2007) Democracy and Elections in Africa. *Choice Reviews Online*, 44 (11): 606–608.
- Lindberg S. I. (2009) *Democratization by elections: a new mode of transition*, Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Little A. T., Joshua A. T., LaGatta T. (2015) Elections, Protest, and Alternation of Power. *The Journal of Politics*, 77 (4): 1142–1156.
- Lust E. (2009) Competitive Clientelism in the Middle East. *Journal of Democracy*, 20 (3): 122–35.

Magaloni B. (2006) *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*, Cambridge: Cambridge University Press.

Marshall M. G., Gurr T. R., Jagers K. (2021) *Polity5 Project: Polity5 Annual Time-Series, 1946–2018*, Vienna, VA: Center for Systemic Peace. URL: <http://www.systemicpeace.org/inscr/p5v2018.xls>

Molina V., José E. (2002) The Presidential and Parliamentary Elections of the Bolivarian Revolution in Venezuela: Change and Continuity (1998–2000). *Bulletin of Latin American Research*, 21 (2): 219–247.

Norris P., Inglehart R. (2019) *Cultural Backlash Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*, Cambridge: Cambridge University Press.

Oberhauser A. M., Krier D., Kusow A. M. (2019) Political Moderation and Polarization in the Heartland: Economics, Rurality, and Social Identity in the 2016 U. S. Presidential Election. *The Sociological Quarterly*, 60 (2): 224–44.

Przeworski A. (1991) *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*, Cambridge: Cambridge University Press.

Reuter O. J. (2017) *The Origins of Dominant Parties: Building Authoritarian Institutions in Post-Soviet Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.

Rød E. G. (2019) Fraud, Grievances, and Post-Election Protests in Competitive Authoritarian Regimes. *Electoral Studies*, (58): 12–20.

Seeberg M. B. (2014) State Capacity and the Paradox of Authoritarian Elections. *Democratization*, 21 (7): 1265–1285.

Shin D. C. (2018) The Deconsolidation of Liberal Democracy in Korea: Exploring its Cultural Roots. *Korea Observer — Institute of Korean Studies*, 49 (1): 107–36.

Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. (2017) Regime type and political destabilization in cross-national perspective: a re-analysis. *Cross-Cultural Research*, 51(1): 26–50.

Smyth R. (2020) *Elections, Protest, and Authoritarian Regime Stability: Russia 2008–2020*, Cambridge: Cambridge University Press.

Stephan M. J., Chenoweth E. (2008) Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict. *International Security*, 33 (1): 7–44.

Walter B. F. (2022) *How civil wars start*. New York: Crown.

Wong S. H-W., Chun-Man Chan K. (2021) The Impact of Pre-Election Protests in Electoral Autocracies: The Case of Hong Kong's Anti-ELAB Movement. *Issues & Studies*, 57 (03): 1–21.

Zhdanov A., Korotayev A. (2022) Factors of Deconsolidation of a Liberal Democratic Regime: The Case of the United States. *Cliodynamics*, 13: 1–34.

Рекомендация для цитирования:

Жданов А. И., Коротаев А. В. (2022) Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социология власти*, 34 (3-4): 102-127.

For citations:

Zhdanov A. I., Korotayev A. V. (2022) Elections, Regime Type and Risks of Revolutionary Destabilization: Quantitative Experience. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 102-127.

Поступила в редакцию: 04.07.2022; принята в печать: 20.08.2022

Received: 04.07.2022; Accepted for publication: 20.08.2022